

DOI 10.15393/j9.art.2017.4181

УДК 821.161.1.09“17”

Ольга Владимировна Захарова*Петрозаводский государственный университет
(Петрозаводск, Российская Федерация)*

ovzakh05@yandex.ru

**ПРОБЛЕМА СЮЖЕТА И ЖАНРА
В «ЧУРИЛЕ ПЛЕНКОВИЧЕ,
БОГАТЫРСКОМ ПЕСНОТВОРЕНИИ»
Н. А. РАДИЩЕВА***

Аннотация. В XVIII–XIX вв. были предприняты попытки освоения фольклорных героев и жанров в литературе. Одним из таких произведений явилась поэма Н. А. Радищева (1801), персонажем стал былинный герой Чурила Пленкович. Подражая фольклорной и литературной традиции (Гомеру, Вергилию, Ариосто, Вольтеру, Виланду, В. А. Левшину, И. П. Богдановичу), автор соединил в своем сочинении образы и мотивы таких жанров, как былина, волшебная и литературная сказки, героическая и комическая поэмы. Используя фабулу и сохраняя основные мотивы левшинской повести, поэт вводит в свое сочинение мифологические и сказочные образы (Змей Горыныч, Яга, Лель (Лелью), Лада), дополняет повествование новыми мотивами, дает мотивировки поступкам героев. Из сказочных типов Радищев создал литературных героев, наделил их характерами, представил их страдания, переживания и чувства. Чурила Радищева утратил почти все признаки богатыря, он — литературный герой: красивый и привлекательный, пылкий и чувствительный юноша, в него влюблены Прелепа и Яга. Его подвиги воспроизводят фабулу любовно-авантюрного романа, они вдохновлены богом любви Лелью, который одаривает богатыря волшебной силой. В результате этих трансформаций возник оригинальный сказочный сюжет и жанр произведения. Автор точен в жанровом определении: его Чурила — герой богатырской повести в стихах, созданной на основе фольклорной и литературной сказки.

Ключевые слова: Н. А. Радищев, Чурила Пленкович, былина, повесть, фольклорная сказка, трансформация жанров, сюжет, богатырь, пространство, литературный герой, характер

Чурила — один из дружинников князя Владимира. Ф. И. Буслаев характеризовал его как «лицо самостоятельное, как бы удельный князь, с собственной дружиною» [3, 535]. О Чуриле Пленковиче записаны три сюжета: «Молодость Чурилы

(«Чурила и князь»), «Дюк и Чурила» и «Чурила и Катерина» («Смерть Чурилы»).

Первый сюжет рассказывает о появлении Чурилы при дворе князя Владимира. Князь Владимир призвал Чурилу к себе на службу. В Киеве он покоряет всех женщин своей внешностью и обхождением. Заметив повышенное внимание к Чуриле княгини Апраксии, князь Владимир удаляет его со своего двора, и тот возвращается в свои владения.

Содержанием былины «Дюк и Чурила» является состязание богатырей в богатстве и хвастовстве, которое заканчивается полным посрамлением Чурилы. Он предстает хвастливым и заносчивым человеком, который не может смириться с тем, что в Киеве появился соперник успешнее его.

Более известна былина «Чурила и Катерина», в которой герой вступает в любовную связь с женой Бермяты. Этот сюжет заканчивается наказанием за измену обоих любовников («установлением заповедей») или смертью Чурилы, за которой следует самоубийство Катерины и женитьба Бермяты на «девка-чернявке»: «любовные похождения франта оканчиваются возмездием за нарушение строгих семейных правил» [2, 73].

В 1780-е гг. к образу былинного и сказочного героя обратился В. А. Левшин (1746–1826), который включил в состав сборника «Русские сказки» «Повесть о сильном богатыре Чуриле Пленковиче». Повесть стала первым опытом литературной разработки образа богатыря. Левшин изменил былинную концепцию героя, наделил его чертами настоящего богатыря: физической силой, добродетелью, благонаравием, любовью и заботой об Отечестве. Отказавшись от сатирической трактовки былинного образа Чурилы, автор повести поставил его в один ряд с такими богатырями, как Добрыня Никитич, Алеша Попович. Герой повести совершает подвиги: побеждает Змия, злого волшебника Кривида и его племянников сказочных богатырей Дубыню, Горыню, Усыню, освобождает Прелепу и Ваидевута, избавляет Гертрурию и Марбода от Сумиги, громит скифское войско и его полководца Чинчигана и покоряет Царьград. Созданный Левшиным образ былинного героя был усвоен в литературной традиции первой трети XIX века и, в первую очередь, был развит Николаем

Александровичем Радищевым (1779–1829). Поэт и переводчик, сын автора «Путешествия из Петербурга в Москву» А. Н. Радищева издал в 1801 году две поэмы «Алеша Попович, богатырское песнотворение» и «Чурила Пленкович, богатырское песнотворение», которые стали самыми известными его произведениями. В лицейские и зрелые годы А. С. Пушкин, несмотря на высказанные им критические замечания, был увлечен богатырскими сказками Н. А. Радищева, хотя и приписывал их отцу А. Н. Радищеву [4, 4–11].

В поэме «Алеша Попович, богатырское песнотворение», подражая фольклорным и литературным источникам, начинающий автор создал оригинальное сочинение, в котором есть признаки былины, волшебной фольклорной и литературной сказок, героической и сентиментальной поэм. В таком сложном синтетическом единстве разных жанров предстает сказочная стихотворная повесть. В результате жанровых трансформаций сложился оригинальный образ Алешы Поповича. Радищев называет Алешу рыцарем, он мало похож на богатыря, который побеждает соперников силой оружия и духа. В борьбе со злыми и враждебными персонажами ему помогают магические предметы и сверхъестественные способности, что характеризует его как героя волшебной сказки. В произведении Радищева Алеша Попович не только сказочный персонаж, но и литературный герой, способный на сомнения в правильности выбранного пути, страдания, пылкость выражения чувств. Став героем волшебной сказки, былинный герой перестает быть богатырем, поэтика волшебной сказки разрушает поэтику былины. В сказочном мире живут и действуют герои другой эпохи, которые в соответствии с литературной модой произносят сентиментальные речи, экзальтированно резонерствуют, плачут и страдают, вопреки рефлексии совершают свои подвиги любви и созидают семейное счастье: Алеша вместе с обретенной женой возвращается в Киев, богатырь снова становится дьячком.

В этих произведениях выразилась одна из тенденций развития русской литературы конца XVIII — начала XIX вв., где решалась задача создания национального литературного эпоса:

Возникает стремление осветить жизнь Древней Руси, систематизировать славянскую мифологию, появляется большое количество произведений с русской тематикой, которые должны были воплотить черты национального духа и национальной жизни [12, 51].

Общим местом работ о Радищеве стало определение значения его произведений в становлении и развитии предромантизма (см.: [12]; [15]; [17]). Подражая героическим поэмам Гомера, Вергилия, Ариосто, Вольтера и Виланда, следуя русским адаптациям античных традиций (И. Ф. Богданович), фольклорных сказок и былин (М. Д. Чулков, Н. М. Карамзин), начинающий автор пытался создать оригинальные национально-патриотические произведения.

Причисляя поэмы Радищева к карамзинскому направлению в русской литературе конца XVIII — начала XIX вв., в произведениях которого герой наделен чертами рыцарства и куртуазности, А. И. Разживин замечает:

Для них характерно неглубокое проникновение в дух народной поэзии, «свободное» обращение с фольклором, хотя отказать им в знакомстве с народным творчеством нельзя. Обращаясь к фольклору в своих поэмах, они легче усваивали народно-поэтический стиль [13, 49].

Свою скептическую оценку фольклоризма карамзинистов и Радищева исследователь уточнил в суждении о поэме «Чурила Пленкович», в которой «связи с фольклором более ощутимы» [14, 46].

Более взвешенной является ранее высказанная точка зрения И. П. Лупановой, согласно которой «поэмы сохранили фольклорную трактовку характеров и основных событий» [8, 25].

Основным, но не единственным литературным источником «песнотворений» является сборник В. А. Левшина «Русские сказки». По наблюдению А. Е. Орловой, Радищев объединяет сюжет двух повестей Левшина: «Повесть о сильном богатыре Чуриле Пленковиче» и «Повесть о дворянине Заолешанине, богатыре, служившем князю Владимиру» [10, 72]. Последнее наблюдение не совсем точно. Автор статьи перечисляет сюжетные совпадения повести Радищева и «Повести о дворянине

Заолешанине, богатыре, служившем князю Владимиру»: «...сюжетная линия, связанная с Бабой-Ягой (мотив влюбленной Бабы-Яги, представление о ней как о мировом зле, подробное описание внешности Яги и боя с ней, ее родственные связи с адом и злыми волшебниками)» [10, 73]. Но не менее существенны и отличия. Баба Яга у Радищева лишена некоторых черт, которые присущи левшинской героине: волшебница поэта не крадет, не жарит и не ест детей, как это делает Баба Яга у Левшина. Чурила сам побеждает Ягу, в повести Левшина у богатыря Звенислава есть верный помощник Тарбелс.

В ряду литературных источников произведения Радищева А. Е. Орлова называет «Душеньку» Богдановича. К этому произведению она причисляет средоточие магической силы Чурилы в бородавке, неудачные попытки богатыря покончить с собой, шутивно-иронический тон и стихотворный размер повествования [10, 72–73]. Исследовательница также отмечает влияние на Радищева «Описания древнего славянского языческого баснословия» М. И. Попова и богатырской сказки Н. М. Карамзина «Илья Муромец». Признавая наличие в произведении былинных и сказочных мотивов, А. Е. Орлова соглашается с суждением В. В. Сиповского, высказанном по поводу «Руслана и Людмилы»: сочинение создавалось исключительно под влиянием книг.

Эпиграфом к богатырскому песнотворению о Чуриле Радищев выбирает строки из стихотворной сказки Вольтера «*Se que plait aux dames*» («То, что нравится женщинам»), опубликованной в серии «*Les contes de Cuillaume Vadé*» (1764) и являющейся вольным переложением «Рассказа горожанки из Бата» Д. Чосера («Кентерберийские рассказы») (см. об этом: [1, 387]):

Après souper, pour vous désennuyer,	Покончив с ужином, возьмусь-ка я,
Mes chers amis, écoutez une Histoire	Чтоб разогнать вечернее унынье,
Touchant un pauvre et noble Chevalier,	Рассказывать, любезные друзья,
Dont l'aventure est digne de mémoire.	О бедном, но отважном паладине ² .

*Voltaire*¹

Эпиграф раскрывает декларируемую цель сочинения — установку на развлечение читателя³.

В пространном вступлении поэт противопоставляет свои «песнотворения» традиционным жанрам — одам, поэмам, пастушеской поэзии:

Иные пишутъ громки Оды,
Гдѣ бунтъ стихій, свистъ непогоды
Стращаютъ нашъ смущенной слухъ;
Другіе важной духъ
Въ Поэму углубляютъ,
Героевъ воспѣваютъ;
Иной съ свирѣлкою поеть овецъ, коровъ,
И роды разные домашнихъ птицъ, скотовъ... (3).

Свою задачу поэт видит в создании волшебного-сказочного образа русской истории:

Но я хочу пѣть вольными стихами,
Некудреватыми словами,
Россійскихъ Витязей, Богатырей,
Владимировыхъ славу дней,
Какъ въ стары годы злыхъ волшебниковъ карали,
Гигантовъ, адскихъ змѣй, страшилищъ поражали,
Отъ бѣдъ красавицъ освобождали,
Съ любовью, съ славою, всю жизнь препровождали (3–4).

За вдохновением автор обращается к немецкому поэту Кристофу Мартину Виланду, автору ирои-комической поэмы «Оберон» (1780), насыщенной сказочной фантастикой⁴:

Великой Оберонъ,
Начальникъ чародѣвъ!
Чудесна рога звонъ
Смушалъ твоихъ злодѣвъ;
Ссуди на часъ его
Для пѣнья моего!
Но, нѣтъ! мои уста въ сей рогъ трубить не сильны.
Позволь, о Виландъ! мнѣ хоть тѣни подражать
Того, что Граціи, чрезъ вымыслы обильны,
Не преставали ввѣкъ твоимъ перомъ писать! (4).

Таков авторский круг литературных источников его «песнотворений».

Используя фабулу и сохраняя основные мотивы левшинской повести, поэт вводит в свое богатырское песнотворение мифологические и сказочные образы (Яга, Лель (Лельо), Лада), разрабатывает новые мотивы, дает свои мотивировки поступков героев, в результате этих трансформаций возникает оригинальный сюжет произведения.

Как и в повести Левшина, Чурила у Радищева является победителем Змея Горыныча, Кривида и его племянников — Дубыни, Горыни и Усыни, Сумиги; к ним Радищев добавляет победу героя над Ягой. Все подвиги Чурилы имеют личный интерес — желание вступить в брак с возлюбленной Прелепой.

Собственно былинная традиция сохраняется в первой песне стихотворной повести Радищева, в которой воспроизводится сюжет приглашения Чурилы на службу к князю Владимиру. Вслед за Левшиным Радищев придает герою богатырский статус: Чурила совершает богатырский подвиг — избавляет киевлян от Змея Горыныча. В других песнях Чурила предстает литературным героем, совершающим сказочные подвиги во имя любви.

Главным противником Чурилы в богатырской повести Радищева является Яга. У Радищева их конфликт продолжает борьбу Яги и бога любви Лельо. Яга в «песнотворении» — воплощение зла, она — ведьма, «нечестивая» колдунья, «духъ ярой и строптивой» (26). Радищев называет ее «изчадь адово, коварная грызунья», которая стремится «свѣтомъ обладать», «законы смертнымъ налагать» (6). Зло у Радищева связано между собой духовными и родственными узами. Змей Горыныч — творение Яги, Кривид — ее кум, Сумига — брат. Желая изгнать из последнего убежища Лельо, Яга угрожает князю Владимиру, народу и призывает на помощь змея. Стремясь отплатить за гостеприимство и утешить льющего слезы князя Владимира, Лель выбирает среди жителей Киева соперника змею.

Мотив змеборства в данном сюжете Радищев заимствует у Левшина. Продолжая эту литературную традицию, Радищев изображает героя кожейякой, гиперболизирует природную силу Чурилы:

Единой онъ рукой сто кожъ воловьихъ мялъ
И съ легостію ихъ на части разрываль (12).

Лель одаривает юношу магической силой, которая заключена в «бородавочке» на носу. Это явно ироничное и пародийное осмысление и снижение ключевого былинного мотива, в развитии которого автор должен возвышать и восхвалять силу богатыря. Чурила слышит глас, призывающий его к победам. С благословением отца он отправляется к князю Владимиру. По мнению А. И. Разживина, князь Владимир «представлен Н. А. Радищевым мудрым правителем, несущим счастье народу, защитником и покровителем» [12, 53]. Упоминание древнерусских городов и имен князя Владимира и Добрыни, «использование славянской мифологии способствовало созданию “местного”, славяно-русского колорита поэм» [12, 53].

Герой Радищева чувствителен, эмоционален: от красоты и пышности палат князя Владимира он приходит в восторг. Так же, как и левшинский герой, он отказывается от предлагаемого князем оружия и вырывает стоящий во дворе дворца огромный вековой клен. Выбор оружия мотивирован привычкой Чурилы орудовать дубиной «для убіенія скупаемой скотины» (16).

Первый подвиг Чурилы совершает на берегу Днепра у пещеры, в которой обитает уже сказочный «Горыничъ змѣй»: богатырь побеждает огнедышащего летающего змея.

Н. А. Радищев описывает поединок, оживляя его яркими подробностями:

Какъ молнія изъ тучъ, дубъ древній поражаетъ:
Стеняще дерево на части разрываетъ,
Густыя вѣтви летятъ,
И корни внутрь земли трещатъ;
Ударилъ такъ Чурила
Урода по зубамъ,
По рылу, по клыкамъ:
Кровь черна покатила,
И ряда цѣлаго зубовъ его лишилъ... (19), —

и так до тех пор, пока богатырь не оторвал ему голову.

Народ встречает Чурилу с ликованием, воспевает и славит его подвиг, величает его спасителем и избавителем. В награду

за ратный подвиг князь Владимир производит Чурилу в богатыри и одаривает его золотой гривной.

Среди киевских дружинников и бояр Чурила находит единственного друга Добрыню — мудрого и благородного витязя, помощника и друга князя. На особенность трактовки Добрыни Радищевым обратил внимание И. Л. Щедрин: «Оригинальной чертой наставлений Добрыни является призыв к рассуждению и холодности, который отражает представление автора поэмы об этом богатыре» [18, 41]. Добрыня становится наставником Чурилы, он благословляет его на странствие, напоминая ему богатырский устав:

Невинность защищай,
Злодѣевъ поражай;
Въ напрасны бѣдствія безумно не вдавайся,
Со разсужденіемъ, съ холодностью сражайся (32).

Следуя избранному для себя литературному этикету, Радищев обращается к Музе за вдохновением. Сравнивая Чурилу с ветхозаветным богатырем-охотником Нимвродом, с юным Ренодом и мужественным Гераклом, поэт наделяет Чурилу силой и красотой. Его внешний облик типичен: «Герой, подобный Чуриле Радищева, — молодой, красивый, смелый, бескорыстный, влюбленный — типичен как для сказочно-богатырских литературных произведений XVIII в., так и авантюрно-рыцарского романа» [10, 69].

Снаряжение Чурилы отличается от оружия других богатырей, у которых есть меч, тугой лук, щит. Чурила предпочитает кленовую дубину, которой он поразил змея, и нож кожевничий.

В странствиях герой совершает подвиги и обретает возлюбленную, что соответствует сказочной поэтике:

Динамическая легкость сказки ведет к крайнему расширению ее художественного пространства. Герой для совершения подвига едет за тридевять земель, в тридесятое государство. Он находит героиню «на краю света». Стрелец-молодец доставляет царю невесту — Василису-царевну — «на самом краю света» (*Афанасьев*, № 169). Каждый подвиг совершается в новом месте. Благодаря этому действие сказки — это путешествие героя по огромному миру сказки [7, 632].

Подвиги Чурилы вписаны в фабулу любовно-авантюрного романа, в котором влюбленные герои разлучены из-за вмешательства третьих лиц и вынуждены преодолевать препятствия на пути к своему счастью. Вмешательство мифологических сил в любовную коллизию возникает с момента встречи Чурилы и Прелепы. Лелью пробуждает в сердце богатыря «нѣжное волненье», вселяет «любовь, почтенье» (39). Чурилу поражает красота Прелепы. Автор изображает героя пылким влюбленным юношей: он робеет, столбенеет, краснеет, теряется в словах и мыслях, испытывает страх, смятение перед красавицей. Молитвенная жалоба Прелепы заставляет его сердце трепетать и дрожать. Чувства Чурилы приятны Прелепе, она прельщается мужеством богатыря. Обещая защиту от Кривида и помощь в освобождении отца, богатырь предлагает Прелепе вечную любовь и дружбу.

В описании битвы Чурилы с Кривидом и его племянниками Радищев близок Левшину. Он сохраняет основные мотивы повести Левшина, наделяет поединки кровавыми подробностями. В бою с Горыней, Дубиней и Усыней у богатыря появляется чудесный помощник — конь Чурилы Молотил.

В трактовке сказочных мотивов автор ироничен: волшебник Кривид выходит на бой с Чурилой спросонья в ночном колпаке, халате и меховой фуфайке вместо лат, однако оружие Кривида («сто тридцать пудовая» палица) и его поведение в бою обнаруживают в нем умелого и ловкого противника: он вскакивает на плечи богатыря, кусает его за колено, при помощи «живой воды» почти одолевает Чурилу, который в конце концов побеждает соперника.

Создавая характеры, Радищев передает переживания героев. При освобождении Вайдевута Чурила полон почтения к отцу Прелепы: придерживая за руку, помогает ему идти, ведет с ним беседы, с трепетом ждет разрешения на брак с Прелепой. Обнаружив исчезновение Прелепы, он льет слезы, мечется по лесу, рвет на себе волосы, стонет, немедленно собирается на поиски возлюбленной. Чурила импульсивен, его чувства меняются в зависимости от ситуации. Когда Вайдевут предлагает узнать причину исчезновения Прелепы («Я встарь умѣль кудѣсить, / На картахъ куралѣсить, / Гадать и на бобахъ, / На

ручкѣ, на перстняхъ» (73)), Чурила оскорбляет жреца, упрекает его в потере времени, но тут же покорно просит у него прощения и подчиняется воле отца возлюбленной.

Поэт создает сказочный образ острова Буяна, на котором обитает кудесник, открывающий судьбу Чурилы Вайдевуту.

Автор использует поэтику трансформаций из античной мифологии, с иронией представляя ряд метаморфоз: кудесник превращает шесть духов в крылатых ослов, запрягает их в двухколесную телегу, прикрывшись тучей, скачет на них до монастыря Перуна, превратившись в муху открывает Вайдевуту судьбу богатыря. Отправляя Чурилу на поиски Прелепы, жрец наставляет его беречь «бородавочку», презреть лесть Яги и явить твердость духа.

Как сказочный персонаж, Чурила отправляется на поиски возлюбленной пешком. Эпический герой всегда выезжает в дорогу на коне, который, по мнению Б. Н. Путилова, является составной частью богатырской силы [11, 68].

Сочинение Радищева обнаруживает, что автор хорошо знаком не только со сказочными образами, мотивами, топикой, но и владеет сказочными формулами: «Въ пространномъ морѣ Океанѣ, / На славномъ островѣ Буянѣ» (76), «чрезъ горы и лѣса» (80) и т. п.

Злоключения влюбленных Чурилы и Прелепы являются результатом противоборства бога любви Лельо и Яги, ее местию богатырю за победу над змеем.

Яга в «песнотворении» Радищева сохраняет фольклорно-сказочные атрибуты: летает в ступе, живет в избе на курьих ножках, которая поворачивается, замечает следы метлой, сохраняя свое жилище неизвестным для смертных, имеет пест, ударом которого открывает ворота. Как и сказочная Баба Яга, героиня Радищева — представительница мира мертвых: из мира живых она может попасть в избу, только повернув ее к лесу задом, одна нога у нее костяная, другая — живая.

Развитие сюжета во второй части произведения осложняется тем, что злая волшебница влюбляется в богатыря и страдает от ревности и мук любви. Яга Радищева не похожа на персонаж волшебной сказки. По мнению А. Л. Слонимского, «мотив влюбленной старухи также взят из сказки Вольтера

“Ce qui plait aux dames” <...>. Зависимость от вольтеровской сказки подчеркнута цитатой из нее, поставленной эпиграфом» [16, 191].

Яга Радищева — коварная волшебница, которая, превратившись в Прелепу, кусает Чурилу за нос и лишает его чудесной силы. Обессиленный богатырь терпит унижения от Яги: она толкает его в нос; сажает за волосы в ступу; таскает за уши; насмехается над ним, тайно восхищаясь его красотой; заставляет пасти свиней.

Автор превращает богатыря в рефлексирующего человека. Все свалившиеся на него напасти богатырь встречает со страхом, слезами, визжит, кричит, призывает смерть, испытывает муки ревности, представляя картины измены Прелепы.

Радищев иронизирует над чувствами и надеждами Яги:

Всякъ знаетъ безъ меня, что женщина дурная,
Какой и хуже нѣтъ, горбатая, хромая,
И скареднѣй еще,
Не думаетъ вотще
Въ любовну страсть пуститься;
Хоть въ зеркало глядится,
Но взоръ всегда ей лжетъ,
Даетъ хорошій цвѣтъ,
Пріятну милу рожу,
Лилейну тонку кожу,
Румянецъ, видъ утѣхъ,
Въ уста вселяетъ смѣхъ;
И съ Ладой сей уродъ равнять себя дерзаетъ,
Но, ахъ! съ такой красотой, когožь она плѣняетъ? (89–90).

Автор рисует комичный образ прихорашивающейся героини. Чары Яги бессильны над Чурилой: ни обещания власти, ни соблазны веселой и обеспеченной жизни не могут расположить к ней богатыря. Поэт живописует страдания Яги. Она мечется, сменяет гнев на милость, угрозы на подарки, испытывает то страсть, то ненависть, то жалость, то обиду, то злость, прибегает к магии и волшебству. Превратив жилье в прекрасные чертоги, а себя в прелестную царицу, Яга на время смущает Чурилу, но тот верен долгу любви, и она в гневе прерывает колдовство.

Эту любовную коллизию Радищев усложняет тем, что вводит в повествование еще один мотив, знакомый по первому «песнотворению» об «Альоше» Поповиче, — похищение Прелепы влюбленным в нее колдуном Сумигой, повелителем тридесятого царства. Возникает параллелизм повествования: оказываясь в одинаковом положении, герои ведут себя подобным же образом. Желая покорить Прелепу, Сумига предпринимает те же усилия, что и Яга: принимает вид Чурилы, пытается покорить богатством, переодевается по английской моде (автор вводит в повествование современные реалии), воспекает возлюбленную неловкими стихами и т. д. Чтобы сломить упорство Прелепы, Сумига отправляет ее ткать с рабынями. После мольбы на помощь Прелепе является Лада, которая предвещает окончание ее злоключений и одаривает волшебными веретеном и челноком. Появление Лады вселяет в нее надежду. Подарки Лады помогают Прелепе противостоять Сумиге. От ее удара веретеном колдун падает в глубокий обморок.

По замечанию А. И. Разживина, сюжет поэмы «развивается по схеме волшебной сказки, но для нее характерен комический пафос, свойственный бытовой сатирической сказке» [15, 208]; [12, 55].

Стремясь добиться взаимности, Яга и Сумига идут на обман, активно используют свои колдовские чары.

Победа Чурилы наступает благодаря вмешательству Лельо: бог любви возвращает на место «бородавочку», снова наделяет богатыря силой, прогоняет «страсти адские», которые вызвала Яга. Испытав муки безответной любви, Яга признает победу Лельо. В то же время она до конца остается коварной противницей; ее в наказание вешает и убивает богатырь.

В описании поединка с Сумигой Радищев сохраняет одну деталь из левшинской повести — укрывательство колдуна под щитом.

Радищев представил схватку Чурилы с Сумигой не личным подвигом богатыря, а победой невидимого бога любви Лельо, который спускается скрытно в облаке, начинает петь и греметь в бубны, чем отвлекает Сумигу и помогает Чуриле, позже подсказывает ему, как извлечь колдуна из-под щита.

Несмотря на посягательство и козни Яги и Сумиги, герои сохраняют чистоту чувств и верность в любви. Сказочно, торжеством любви, завершается сюжет «песнотворения».

По возвращении в Киев Чурилу и Прелепу с честью принял князь Владимир, который:

Хвалы Чурилѣ воздавалъ,
И вѣчно щастіемъ они тамъ наслаждались (200).

Следуя фольклорной и литературной традиции, автор ироничен, он пародийно смешивает волшебные-сказочные, былинные и беллетристические мотивы:

Н. Радищев впадает местами в шутовской тон, чуждый левшинской сказке. Однако все это «шутство» и «балагурство», являясь данью традиции использования народно-поэтического материала прежде всего с «развлекательной» целью, не затемняет главного: фольклорно-сказочного облика основных героев [8, 28].

В написанном для развлечения сочинении автор предпринял попытку создать волшебный-сказочный образ русской истории:

Это въ полномъ смыслѣ волшебныя исторіи въ родѣ 1001 ночи, въ которыхъ имена русскихъ богатырей, историческія названія древней Руси, фразы изъ былинъ и народныхъ сказокъ, — преимущественно о типичной Бабѣ-Ягѣ, ея жертвахъ и Кощеѣ, утопаютъ въ смѣси заимствованныхъ и выдуманныхъ подробностей и лицъ [5, 15].

Исследователи отнесли подобные произведения к «богатырским поэмам» ([4, 7]; [9, 217, 220]; [16, 187, 189–190] и др.). А. Л. Слонимский видел в них открытие «нового “русского” жанра» [16, 188].

Радищев называл сочинение о Чуриле Пленковиче «богатырским песнотворением» и «богатырской повестью в стихах». Может показаться, что это разные жанровые дефиниции, но определения «песнотворение» и «повесть в стихах» почти синонимичны. Радищев создал свои «песнотворения», используя известные жанры: былинную, фольклорную и литературную сказки, прозаическую и стихотворную повести, героическую и комическую поэмы. Автор дал осознанное и значимое определение жанра своего произведения.

Примечания

- * Работа выполнена при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ), проект № 15-04-00366 а.
- ¹ Радищевъ Н. А. Чурила Пленковичъ, богатырское пѣснотвореніе. Сочиненіе Н...я Р...ва. Часть вторая. М.: Въ Университетской Типографіи, у Христофора Клаудія, 1801. С. 1. Далее ссылки на это издание приводятся в тексте статьи с указанием страницы в круглых скобках.
- ² Вольтер. Что нравится дамам. (Перевод Н. Шаховской) // Французская литературная сказка XVII–XVIII вв. М.: Худож. лит., 1990. С. 428.
- ³ По этому поводу А. И. Разживин отмечает, что поэт «сумел увлечь рассказом, позабавить, а иногда удивить и поразить читателей. Как и в народных произведениях, в его поэме высмеивались коварство, злоба, трусость, воспевалась доблесть, благородство, смелость героя, верность возлюбленной. Сказочный принцип занимательности находит свое выражение прежде всего в развитии действия, сюжетные ситуации в ней исключительны, неожиданны, по-сказочному удивительны» [12, 56].
- ⁴ О влиянии ирои-комической поэмы Виланда «Оберон» на русскую литературу XVIII–XIX вв. см.: [6].

Список литературы

1. Алексеев М. П. Пушкин. Сравнительно-исторические исследования. — Л.: Наука, 1972. — 468 с.
2. Аникин В. П. Русский богатырский эпос. — М.: Просвещение, 1964. — 190 с.
3. Буслаев Ф. И. Русский богатырский эпос // Русский вестник. — 1862. — № 3 (41). — С. 523–571.
4. Владимиров П. В. Происхождение «Руслана и Людмилы» А. С. Пушкина (1817–1820 гг.) // Университетские известия. — Год тридцать пятый. — 1895. — № 6. — Июнь. — С. 1–11.
5. Владимиров П. В. А. С. Пушкин и его предшественники в русской литературе // Университетские известия. — Год тридцать девятый. — 1899. — № 5. — Май. — С. 1–84.
6. Карабегова Е. В. Аспекты сравнительной типологии немецкой и русской литературы XVIII–XIX веков. — Ереван, 2009. — С. 6–48.
7. Лихачев Д. С. Поэтика древнерусской литературы // Лихачев Д. С. Избр. работы: в 3 т. — Л.: Худож. лит., 1987. — Т. 1. — С. 265–654.
8. Лупанова И. П. Русская народная сказка в творчестве писателей первой половины XIX века. — Петрозаводск: Гос. изд-во Карельской АССР, 1959. — 503 с.
9. Назарова Л. Н. К истории создания поэмы Пушкина «Руслан и Людмила» // Пушкин: Исследования и материалы / АН СССР. Ин-т рус. лит. (Пушкин. Дом). — М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1956. — Т. 1. — С. 216–221.

10. Орлова А. Е. Фольклорные и литературные истоки поэмы Радищева-сына «Чурила Пленкович» // Традиционная культура. — 2009. — № 1. — С. 68–76.
11. Путилов Б. Н. Героический эпос и действительность. — Л.: Наука, 1988. — 225 с.
12. Разживин А. И. Богатырские поэмы Н. А. Радищева // Проблемы развития лирической поэзии XVIII — XIX веков и ее взаимодействия с прозой. — М.: Изд-во МОПИ, 1985. — С. 51–59.
13. Разживин А. И. «Чародейство красных вымыслов». Эстетика русской предромантической поэмы. — Киров: Изд-во ВГПУ, 2001. — 96 с.
14. Разживин А. И. Поиски национальной основы в стихосложении «русских поэм» конца XVIII — начала XIX веков // Идеи и образы русской и зарубежной литературы: межкаф. сб. науч. тр. — Елабуга: Изд-во ЕГПУ, 2004. — С. 34–64.
15. Разживин А. И. Сказочно-мифологическая поэма // Литература русского предромантизма: мировоззрение, эстетика, поэтика. — Рязань: РГУ, 2012. — С. 203–215.
16. Слонимский А. Л. Первая поэма Пушкина // Пушкин: Временник Пушкинской комиссии / АН СССР. Ин-т литературы. — М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1937. — [Вып.] 3. — С. 183–202.
17. Соколов А. Н. Очерки по истории русской поэмы XVIII и первой половины XIX века. — М.: Изд-во Моск. ун-та, 1955. — 692 с.
18. Щедрин И. Л. Богатырские поэмы Н. А. Радищева: проблема памяти жанра былины // Держава та регіони. Серія: Гуманітарні науки. — Запоріжжя: Класичний приватний університет, 2014. — № 3 (38). — С. 39–45.

Olga V. Zakharova

*Petrozavodsk State University
(Petrozavodsk, Russian Federation)*

ovzakh05@yandex.ru

THE PROBLEM OF THE PLOT AND THE GENRE IN N. A. RADISHCHEV'S «CHURILA PLENKOVICH, BOGATYR SONGWRITING»

Abstract. In the 18th–19th centuries, attempts to appropriate folklore heroes and genres in literature were made. One of such literary works was N. A. Radishchev's poem (1801) where the epic hero Churila Plenkovich became a character. Imitating the folkloric and literary tradition (Homer, Virgil, Ariosto, Voltaire, Wieland, V. A. Levshin, I. P. Bogdanovich), the author combined the images and motives of such genres as bylina (Russian epic song), fairy and literary tale, heroic and comic poem in his work. Using the storyline and retaining the main motives of Levshin's tale, the poet added mythological and fairy images

(Zmey Gorynych (dragon), Yaga, Lel' (Lel'o), Lada) to his writing, supplemented the narrative with new motives, and gave justifications for the heroes' actions. Radishchev created literary heroes using fairytale types; he showed their sufferings, emotions and feelings. Radishchev's Churila lost all features of the bogatyr. He is a literary hero — a handsome, good-looking, ardent and sensitive young man. Prelepa and Yaga have fallen in love with him. His feats represent a plot of romance and adventure novel; his heroic deeds are inspired by Lel'o, a god of love who gives the bogatyr strength. As a result of these transformations, an original fabulous plot and genre of the literary work appeared. The writer is precise in his defining: his Churila is a character of the epic story in verse based on folkloric and literary tale.

Keywords: N. A. Radishev, Churila Plenkovich, epic, povest', faire tale, transformation of genres, plot, bogatyr, space, literary hero, character

References

1. Alekseev M. P. *Pushkin. Sravnitel'no-istoricheskie issledovaniya* [*Pushkin. Comparative-Historical Researches*]. Leningrad, Nauka Publ., 1972. 468 p. (In Russ.)
2. Anikin V. P. *Russkiy bogatyrskiy epos* [*Russian Heroic Epos*]. Moscow, Prosveshchenie Publ., 1964. 190 p. (In Russ.)
3. Buslaev F. I. Russian Heroic Epos. In: *Russkiy vestnik*, 1862, no. 3, (vol. 41), pp. 523–571. (In Russ.)
4. Vladimirov P. V. The Genesis of “Ruslan and Lyudmila” by A. S. Pushkin (1817–1820). In: *Universitetskie izvestiya*, 1895, no. 6 (June), pp. 1–11. (In Russ.)
5. Vladimirov P. V. A. S. Pushkin and His Predecessors in Russian Literature. In: *Universitetskie izvestiya*, 1899, no. 5 (May), pp. 1–84. (In Russ.)
6. Karabegova E. V. *Aspekty sravnitel'noy tipologii nemetskoj i russkoj literatury XVIII–XIX vekov* [*Aspects of Comparative Typology of German and Russian Literature of the 18th and the 19th Centuries*]. Erevan, 2009, pp. 6–48. (In Russ.)
7. Likhachev D. S. The Poetics of Old Russian Literature. In: *Likhachev D. S. Izbrannye raboty: v 3 tomakh* [*Likhachev D. S. Selected Works: in 3 Vols*]. Leningrad, Khudozhestvennaya Literatura Publ., 1987, vol. 1, pp. 265–654. (In Russ.)
8. Lupanova I. P. *Russkaya narodnaya skazka v tvorchestve pisateley pervoy poloviny XIX veka* [*Russian Folk Tale in the Works of Writers of the First Half of the 19th Century*]. Petrozavodsk, State Publishing House of the Karelian ASSR, 1959. 503 p. (In Russ.)
9. Nazarova L. N. On the History of Creation of the Poem “Ruslan and Lyudmila” by Pushkin. In: *Pushkin: Issledovaniya i materialy* [*Pushkin: Researches and Materials*]. Moscow, Leningrad, The Academy of Sciences of the USSR Publ., 1956, vol. 1, pp. 216–221. (In Russ.)
10. Orlova A. E. Folklore and Literary Origins of the Poems of Radishchev Junior “Churila Plenkovich”. In: *Traditsionnaya kul'tura*, 2009, no. 1, pp. 68–76. (In Russ.)

11. Putilov B. N. *Geroicheskiy epos i deystvitel'nost'* [A Heroic Epos and Reality]. Leningrad, Nauka Publ., 1988. 225 p. (In Russ.)
12. Razzhivin A. I. Heroic Poems by N. A. Radishchev. In: *Problemy razvitiya liricheskoy poezii XVIII — XIX vekov i ee vzaimodeystviya s prozoy* [The Problems of Development of Lyrical Poetry in the 18th and 19th Centuries and Its Interactions with Prose]. Moscow, Moscow Regional Pedagogical Institute Publ., 1985, pp. 51–59. (In Russ.)
13. Razzhivin A. I. «Charodeystvo krasnykh vymyslov». *Estetika russkoy predromanticheskoy poemy* [«The Magic of Red Fiction». The Aesthetics of Russian Poem of Preromanticism]. Kirov, Vyatka State University of Humanities Publ., 2001. 96 p. (In Russ.)
14. Razzhivin A. I. The Search for National Bases of Versification of “Russian Poems” of the late 18th and early 19th Centuries. In: *Idei i obrazy russkoy i zarubezhnoy literatury* [Ideas and Images of Russian and Foreign Literature]. Yelabuga, Yelabuga State Pedagogical University Publ., 2004, pp. 34–64. (In Russ.)
15. Razzhivin A. I. A Fairy and Mythological Poem. In: *Literatura russkogo predromantizma: mirovozzrenie, estetika, poetika* [The Literature of Russian Pre-Romanticism: Worldview, Aesthetics, Poetics]. Ryazan, Ryazan State University Publ., 2012. 492 p. (In Russ.)
16. Slonimskiy A. L. The First Poem of Pushkin. In: *Pushkin: Vremennik Pushkinskoy komissii* [Pushkin: The Chronicle of the Pushkin Committee]. Moscow, Leningrad, The Academy of Sciences of the USSR Publ., 1937, [vol.] 3, pp. 183–202. (In Russ.)
17. Sokolov A. N. *Ocherki po istorii russkoy poemy XVIII i pervoy poloviny XIX veka* [Essays on the History of Russian Poems of the 18th and the first half of the 19th Centuries]. Moscow, Moscow State University Publ., 1955. 692 p. (In Russ.)
18. Shchedrin I. L. Heroic Poems of N. A. Radishchev: The Problem of Memory in the Genre of Ancient Epic Folk Stories. In: *Derzhava ta rehiony. Seriya: Humanitarni nauky*. Zaporizhzhia, Klyasychnyi pryvatnyi universytet Publ., 2014, no. 3 (38), pp. 39–45. (In Russ.)